

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЧАС ПЕРЕД
РАССВЕТОМ

Москва
2023

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЧАС ПЕРЕД
РАССВЕТОМ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Литературный редактор *А. Самофалова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Час перед рассветом / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-180201-1

Тринадцать лет назад в старом графском поместье произошла трагедия. Жертвой стала девушка, возлюбленная Дэна. Прошлое не забылось, и теперь главные участники тех событий вернулись, чтобы попытаться разгадать загадку самой темной ночи. Кто-то ищет богатства, кто-то справедливости, а Дэн — свою потерянную, но не забытую любовь.

Все игроки на местах. Самая темная ночь возвращается, и в этот раз пламя ее костра вспыхнет с новой силой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-180201-1

ДЭН

После унылой про-

хлады Хельсинки московский зной казался просто тропическим. Нагретый солнцем асфальт плавился под колесами машины, словно карамель. Над ним клубилось зыбкое море, отчего дорога казалась политой маслом. Дэн полной грудью вдохнул сладкий дым отечества, включил климат-контроль и едва ли не на полную мощность врубил «Апокалиптику».

Он устал, чертовски устал. Он работал как каторжный, без выходных и проходных последние несколько лет. Работал на износ, не жалея ни себя, ни подчиненных, по кирпичику строя свою маленькую империю. А вчера в Хельсинки он подписал контракт, который позволит если не расслабиться, то хотя бы перевести дух, расширить производство, доукомплектовать штат и даже — о, чудо! — смотаться наконец куда-нибудь в далекие края на отдых. Может быть, в Индию. Или на Большой Барьерный риф...

В кармане, пытаясь заглушить «Апокалиптику», заиграл мобильный. «А по лесам бродят санитары!..»

Дэн улыбнулся, выключил музыку, плечом прижал к уху трубку. Только один человек имел такие специфические позывные. Человек, с которым он не виделся уже почти тринадцать лет, но тем не менее продолжал поддерживать связь.

— Рад тебя слышать, Гальяно!

— А видеть? — донеслось из трубки. — Где тебя носит, Киреев? Приглашаешь товарища в гости, а сам сваливаешь неизвестно в какие дали!

— А ты где? — Дэн бросил быстрый взгляд на спидометр.

Да, он приглашал Гальяно в гости. Каждый год, а то и чаще. Но никак не рассчитывал, что друг придет вот так, без предварительного звонка.

— А я тут, прямо перед твоей бронированной дверью. Сижу, понимаешь ли, на ступеньках, тоскую. Ты-то сам где? Ты хоть в Москве сейчас, Киреев?

Дэн снова глянул на спидометр, прибавил газу, спросил:

— Еще час на ступеньках посидишь? Я уже лечу!

— Еще час посижу. Куда ж я денусь? А ты откуда летишь, сокол сизокрылый?

— Из Хельсинки.

— Границу хоть перелетел?

— Перелетел, не переживай. Там, в квартале от дома, кафе есть хорошее, можешь подождать с комфортом.

— Да ладно, мне и на лестнице хорошо. Соседки у тебя красивые, длинноногие такие соседки. На-

стоящие столичные штучки. Ходят вверх-вниз, волнуют сердце провинциального хлопца.

Насколько Дэн помнил, сердце провинциального хлопца вот уже больше года было занято прекрасной дамой с говорящим именем Любовь, но... горбатого могила исправит.

— Все, не скучай, скоро буду! — бросил он в трубку и отключил связь.

Гальяно приехал! На душе вдруг стало тепло и тревожно одновременно. Воскресли воспоминания, которые до сих пор, по прошествии тринадцати лет, причиняли ему почти физическую боль, раз за разом возвращая в прошлое: на берег ведьминога затона, в самую темную ночь, к мертвой Ксанке, с которой тогда, тринадцать лет назад, ему не позволили даже попрощаться...

Им сказали, что она утонула в затоне той проклятой ночью, что тело ее достали из реки через сутки. Их не позвали на опознание, это не понадобилось: Ксанку опознали вернувшиеся с отдыха родители и сразу увезли хоронить в Москву. Дэн не знает главного — где ее могила, куда можно прийти, чтобы сказать, как сильно ему ее не хватает. Не хватает даже сейчас...

Он искал Ксанку даже после смерти девушки, пытался реанимировать в сердце ее образ, вспомнить ее лицо. Почти пять лет его тогдашней жизни превратились в череду надгробий, припорошенных увядшими цветами могил, склепов и колумбариев. Дэн искал Ксанкину могилу. Методично, с пугающей родителей настойчивостью осматривал кладбище за кладбищем. Единственное, что у него было, это фамилия — Пашутина. Вот та скупая ин-

формация, которой поделился с ним следователь Васютин. Дэн начал со столичных кладбищ, через два года перешел на подмосковные...

Их оказалось десятки — женщин, девушек и девочек с фамилией Пашутина. Но среди них не было ни одной Ксении, ни одной Оксаны... После каждой такой вылазки на кладбище Дэн заболел, замыкался в себе, терял надежду, но проходило время, и он снова принимался за поиски.

Эти граничащие с сумасшествием поиски длились до тех пор, пока с инсультом не слег отец, до тех пор пока мама, пряча слезы, не сказала, что пришло время подумать и о живых. И Дэн сдался, оставил надежду найти могилу Ксанки. Почти оставил... Всего одно кладбище в месяц, в три месяца, в полгода. Из года в год...

А жизнь его тем временем понемногу налаживалась. В его жизни появилась учеба в университете, потом стажировка за границей, потом начатый еще отцом бизнес. В его жизни появились новые друзья и новые девушки, хрупкие, синеглазые, черноволосые, похожие на Ксанку. Наверное, похожие, потому что Дэн так и не смог вспомнить ее лицо. Прошлое почти отпустило.

Он женился на одной из таких черноволосых, синеглазых, без любви, под мягким нажимом мамы, не теряющей надежды увидеть внуков. Из затеи с женитьбой не вышло ничего хорошего. Дэн понимал это еще тогда, но особенно остро осознал теперь, когда перед отлетом в Хельсинки подал заявление о разводе. Его жена не удивилась и не расстроилась. Она была хорошей и славной, наверное, в чем-то она даже походила на Ксанку, но она не

была его судьбой ни тогда, ни сейчас. Все эти годы они оставались чужими друг другу, оба мучились, оба задыхались в тисках нелюбви. Как Дэн ни старался, а прошлое его не отпустило.

И вот сегодня прошлое приехало из пыльного провинциального городка, уселось на ступеньках перед его дверью и жаждет встречи. Он тоже жаждет. Честное слово! Отчего же тогда так больно и откуда в кондиционированном воздухе салона горький запах гари?

Запарковаться во дворе удалось только чудом. Дэн втиснул свой внедорожник между соседским «жигуленком» и заползшей передними колесами на газон маршруткой. Вверх по лестнице он поднимался почти бегом, не обращая внимания на тяжесть болтающейся на плече дорожной сумки. Звонкий девичий смех и вкрадчивый мужской баритон он услышал почти сразу.

— ...Вы поразительно, просто невероятно проницательны, — щебетала Машенька, соседка из квартиры напротив. — Не понимаю, просто ума не приложу, как вы догадались! Я никому об этом не рассказывала, я об этом даже и не вспоминаю.

— Интуиция, Мари! Интуиция, помноженная на богатый жизненный опыт. — Голос Гальяно был полон сдержанного достоинства и еще чего-то такого, отчего Дэну и самому захотелось поверить и в интуицию, и в богатый жизненный опыт. — Если бы вы только знали, сколько всего мне довелось пережить, Мари! Если бы только могли поверить...

Прерывать такой занимательный разговор Дэну было неловко, но, во-первых, Гальяно приехал в гости к нему, а не к Машеньке, во-вторых, у Машеньки

имелся ухажер, который давно и настойчиво метил на роль мужа, а в-третьих, у Гальяно была его огнегрявая Любаша, поэтому Дэн деликатно кашлянул и сообщил:

— Ну, вот я и прилетел! Здорово, старик. Здравствуйте, Маша.

Соседка Машенька зыркнула на него недобрым глазом, кивнула вежливо, но не слишком приветливо и, не сводя зачарованного взгляда с Гальяно, попятилась к своей полуприкрытой двери. «Мы еще увидимся» — читалось в ее взгляде.

— Мы непременно еще увидимся! — пообещал Гальяно и всем корпусом развернулся к Дэну. — Прилетел, сокол мой ясный! Не прошло и полгода!

Они не виделись тринадцать лет, и если к изменившемуся голосу Гальяно за эти годы Дэн успел привыкнуть, то метаморфозы, произошедшие с внешностью друга, заставили его на время потерять дар речи.

Пижон! Вот первое, что пришло на ум. Провинциальный хлопец Вася Гальянов выглядел едва ли не бóльшим москвичом, чем он сам. Щегольские, начищенные туфли, узкие джинсы, стильный пиджак и белоснежная, до хруста накрахмаленная сорочка. Как вся эта красота пережила ночь в поезде, Дэн не имел ни малейшего представления. Но факт оставался фактом — Гальяно был свеж и ясен как новорожденный день и держался с достоинством английского лорда. От того нескладного прыщавого парня, которого Дэн знал много лет назад, не осталось ничего, кроме длинных, стянутых в хвост волос. Дорогой парфюм, наглый взгляд, обаятель-

ная ухмылка, трехдневная щетина, уголок шелкового платка в кармане пиджака... Пижон!

Они разглядывали друг друга долго и внимательно, словно знакомились по новой. На лице Гальяно отразились сначала удивление, потом узнавание, потом радость, а потом с громким воплем «братуха!» он кинулся обниматься.

Их приветствие было по-мальчишески бурным и несдержанным. Крепкие мужские объятия растопили тонкий лед разделявших их лет.

— Как здорово, что ты приехал! — сказал Дэн, подхватывая с пола чемодан Гальяно.

— Да, здорово, что я приехал! — Гальяно широко улыбнулся и стрельнул взглядом на дверь, за которой, Дэн был в этом абсолютно уверен, притаилась соседка Машенька. — Ну, показывай мне свою берлогу!

Они сидели на кухне за наскоро накрытым столом, пили шотландский виски, закусывали найденными в недрах Дэнова холодильника ветчиной и сыром, курили привезенные Гальяно тонкие кубинские сигары.

— Так говоришь, расходитесь полюбовно? — Гальяно, довольный, сытый и слегка пьяный, покусывал кончик сигары и был в этот момент похож на потомка дона Карлеоне.

— Полюбовно. — Дэн разлил по стаканам оставшийся виски. — Давно нужно было, да все духу не хватало. Ни у меня, ни у нее. А теперь вот... У нее новая любовь, планы на будущее.

— А у тебя?

— И у меня планы. Только больше деловые, расширяю производство.

— А со спортом, что же, завязал?

— Перешел из профессиональной лиги в любительскую. Тренажерный зал, и тот от случая к случаю. Времени нет, Гальяно. Почти ни на что нет времени.

— А по тебе и не скажешь. — Гальяно отхлебнул виски. — Выглядишь молодцом. Я же надеялся, что краше меня теперь никого не сыскать, а ты меня переплюнул, черт побери! Ну точно скандинавский бог! — добавил он не без зависти.

— Так уж и бог, — отмахнулся Дэн. Виски растекался по телу жаркой волной, заставлял позабыть и о проблемах, и о накопившейся усталости. — Сам-то как? Как твоя Любаша?

— Любаша... — Гальяно враз помрачнел, — а Любаша уже не наша! — сказал с несвойственной ему горечью. — Променяла меня на колбасного короля. Представляешь — колбасного! Ладно бы на нефтяного или, на худой конец, алюминиевого, а то ведь на сосиски и сервелат променяла. Ей, видите ли, со мной тяжело. Я, видите ли, слишком сложно устроен, и вообще мы с ней не пара. Год были парой, а теперь вот не пара! А я ведь из-за нее... — Гальяно воздел очи к потолку... — Братуха, я ведь ради нее всем пожертвовал. За год ни одной интрижки, даже посмотреть на других женщин не смел, от греха подалее.

— От греха подалее? — усмехнулся Дэн.

— Соблазны, искушения, — вздохнул Гальяно. — Ах, как меня искушали! Ты бы видел, какие львицы ко мне ластились. А она меня на сервелат... на венские сосиски...

— Любишь ее? — спросил Дэн.

— А вот и не знаю, — сказал Гальяно растерянно. — Год жизни с человеком под одной крышей, практически как муж и жена. Понимаешь? За один день такое не забудешь, но... — Он хлопнул ладонью по столу с такой силой, что в бокалах звякнули кубики льда. — Но я стараюсь. Вот в Москву выбрался, чтобы развеяться. Осточертело все! Бросил дела, и вперед, в пампасы!

— А занимался чем?

Насколько знал Дэн, занятия Гальяно были так же удивительны и многогранны, как и его натура. Еще год назад он числился совладельцем тату-салона, а параллельно оказывал населению — кто бы мог подумать! — магические услуги. А что увлекло друга на сей раз, Дэн даже не брался предположить.

— Психоаналитик! — сообщил Гальяно и одним махом осушил свой бокал. — Собственный кабинет, широкая практика, авторитет и определенный вес в профессиональных кругах, — добавил он не без гордости.

— А магический салон?

— Завязал. — Гальяно вдруг сделался серьезным. — Знаешь, старик, довелось тут недавно столкнуться с такими вещами... Вот типа того, что с нами тогда приключились. — Он посмотрел на Дэна внимательно и настороженно, словно ждал насмешек и осуждения. — Чертовщина такая, врагу не пожелаешь. Оно как поперло...

— Что? — спросил Дэн.

— Вот это самое — ненормальное. То есть даже паранормальное. Я сейчас скажу.. ты не смейся только.

— Я не смеюсь.

— Это хорошо, думал бы, что станешь смеяться, ни за что бы не рассказал. — Гальяно немного помолчал, а потом сказал шепотом: — Я, похоже, медиум.

— Кто ты? — не понял Дэн.

— Медиум. Ну, медиумы — это типа такие странные ребята, которые умеют общаться с душами умерших. Спиритические сеансы и все такое...

— И ты умеешь? — Сердце вдруг забилося так часто, что стало тяжело дышать. — Умеешь, Гальяно?!

— Однажды вызвал на свою голову, — Гальяно кивнул. — Прикинь, ведь думал, что ваньку валяю, положила руку на сердце, просто разводил клиенток на бабки. Как в детстве, знаешь? — Он закрыл глаза и заговорил загробным голосом: — Дух Петра Первого, приди! Дух Петра Первого, взываю к тебе!

— И?..

— И он пришел!

— Дух Петра Первого?

— Нет, другого перца, но тоже, я тебе скажу, одиозного мужика. Это долгая история, братуха, я до сих пор от нее отойти не могу. Кто б рассказал, не поверил бы, что такое вообще бывает. Я же циник прожженный, циник и лирик. А тут оказывается, еще и медиум. — Гальяно устало пожал плечами. — Были у меня кое-какие таланты, не без того. В человеческой, а особенно дамской, психологии я всегда хорошо разбирался. Ты же помнишь.

Дэн кивнул.

— И на местности я ориентируюсь неплохо. Не знаю, как объяснить... Ну вот нужно мне из пункта А в пункт Б кратчайшей дорогой, и я найду именно эту самую кратчайшую дорогу. Без карт и ком-

паса найду, понимаешь? Навигатор у меня в башке, как у перелетных птиц. Необычное, конечно, качество, но хотя бы полезное. А способности медиума...

— Бесплезные? — спросил Дэн, прислушиваясь к бестолковому трепыханию своего сердца.

— Страшные, я бы сказал. На свиданку к тебе ведь приходит не девочка-ромашка, а трехсотлетний хмырь с кучей комплексов.

— А если позвать девочку-ромашку? — Вот он и задал мучивший его все эти бесконечно долгие мгновения вопрос.

— Ксанку? — Гальяно понял его с полуслова, устало потер глаза. — Ты ее так и не забыл?

— Не могу. Вспомнить ее не могу, и забыть никак не получается. Поможешь? — Теперь уже Дэн смотрел на Гальяно так, словно боялся осуждения и насмешек. Кому-нибудь другому и не сказал бы такое никогда.

— Я не знаю. Честное слово, старик, не знаю. У меня и получилось-то только один раз. Случайно, можно сказать, получилось. Он, тот призрак, сам на меня вышел, наверное. Собственно говоря, он не со мной связаться хотел, а с клиенткой моей.

— Может быть, она тоже захочет, — сказал Дэн едва слышно.

Гальяно долго молчал, что-то обдумывал, что-то взвешивал, а потом кивнул.

— Я попробую. Мне только кое-что прикупить нужно. Ну, свечи там, хрустальный шар... Они, может, и не нужны, но в тот раз так было: свечи, шар... Есть в вашей Москве что-то подобное?

— Найдем.

— Тогда попробую, но не обещаю ничего. Не умею я процессом управлять, до сих пор не понимаю, как это работает.

— Ты просто попробуй, — попросил Дэн, залпом допивая свой виски.

Гальяно

Он боялся, что встреча не получится. Одно дело — предаваться воспоминаниям по телефону, и совсем другое — сойтись вот так, лицом к лицу. Хорошо, что опасения оказались напрасными.

Дэн почти не изменился. Та же стать, та же нордическая красота, только не по-юношески хрупкая, а по-мужски основательная, тот же отстраненный взгляд серых глаз. Зачем такому какой-то провинциальный друг? Что у них может быть общего? Припорошенные пеплом, почти забытые воспоминания? А он, дурак, приперся в Москву без приглашения, даже без предварительного звонка, как будто его здесь ждут... Это все из-за Любаши! Из-за ее вероломства и коварства. Потерял голову и чувство собственного достоинства, рванул куда глаза глядят, чтобы только подальше от нее. Фактически сбежал...

Дэн рассматривал его внимательно и удивленно, а закончив осмотр, улыбнулся, и все сразу стало на свои места, исчезли неловкость и неуверенность. Дэн не изменился! Вот он — его друг, практически брат! Человек, к которому можно явиться в любое время дня и ночи — просто так, без приглашения.

Им понадобилась лишь пара бокалов виски, чтобы подойти к той границе, которую ни один из них старался не пересекать в одиночку.

— Ты сможешь мне? — спросил Дэн, глядя Гальяно прямо в глаза. — Ты попробуешь?

Он верил! Верил в то, во что сам Гальяно до сих пор боялся поверить — в его сверхспособности, то ли дар, то ли проклятье, позволяющее приоткрывать двери, которые лучше оставлять закрытыми. А еще Дэн не успокоился. Столько лет прошло, а Ксанка его так и не отпустила. Разве можно хранить верность одной-единственной женщине так долго? Мертвой женщине... И нужно ли? Вот правильный вопрос.

— Я не знаю, как это работает. — Гальяно не хотел давать ложные обещания, не хотел поощрять несбыточные надежды. — Но если ты уверен, я попробую.

— Я уверен, — сказал Дэн, и на лице его застыло отчаянное и одновременно решительное выражение. — Гальяно, я до сих пор не нашел ее могилу...

Он до сих пор не нашел могилу! Господи ты боже мой...

— Ты все еще ее ищешь?

— Да. Уже не так настойчиво, как десять лет назад, но ищу. — Дэн достал из кухонного шкафчика бутылку коньяка, спросил: — Кроме этих твоих магических атрибутов, свечей, хрустального шара, тебе еще что-нибудь нужно?

Гальяно с грустью посмотрел на коньяк, а потом кивнул и сказал:

— Да, мне нужно протрезветь и, наверное, слегка отдохнуть с дороги. Я ночь без сна... — добавил он виновато.

— Да, я понимаю. — Дэн вернул бутылку обратно в шкафчик. — Отдыхай пока, а вечером... — он запылился, — а вечером мы попробуем. Да?

— Попробуем.

Ну что он еще мог сказать?! Он уже все сказал, предупредил о последствиях, сознался в своей некомпетентности.

— Я постелю тебе на диване в гостиной.

— А сам? Ты ведь тоже с дороги, — спохватился Гальяно.

— Ерунда, я уже привык.

Наверное, виной тому был выпитый виски, но Гальяно отключился, как только его голова коснулась подушки. Ему снилась Любаша. Любаша умоляла его вернуться, а он обещал подумать.

Когда Гальяно открыл глаза, за окном уже сгустились сумерки, настенные часы показывали, что проспал он без малого полдня.

— Эй! Эй, есть кто живой?! — Он сел на диване, потряс головой, прогоняя остатки сна и воспоминания о вероломной Любаше.

Дэн вошел в гостиную сразу, как будто ждал, когда Гальяно проснется.

— Отдохнул?

— Отдохнул. — Гальяно потянулся, еще раз глянул в окно. — Слушай, нам, наверное, нужно спешить, чтобы успеть до закрытия прошвырнуться по магическим лавкам. Свечи купить, думаю, не проблема, а вот с хрустальным шаром могут возник-

нуть определенные сложности. Вещица специфическая, сам понимаешь.

— А я уже, — Дэн улыбнулся. Гальяно показалось, что виновато.

— Что — уже?

— Все купил. Заказал через Интернет. Уже и доставили.

— Показывай! — велел Гальяно, вскакивая на ноги.

Рабочий стол Дэна был завален спиритическими атрибутами, отчего кабинет стал похож на магический салон. Одних только разнокалиберных шаров Гальяно насчитал пять штук.

— Круто! — Он взвесил в руке самый большой и, по всей видимости, самый дорогой шар.

— Чтобы уже наверняка. — Дэн пожал плечами. — Сойдет?

— Более чем.

— А свечи?

— Со свечами тоже полный порядок, только...

— Только?..

— Только я не берусь ничего обещать.

— Я понимаю. — Дэн кивнул. — Ты хотя бы попытайся.

Они устроились тут же, в кабинете: Гальяно за столом, Дэн в кресле напротив. Оба чувствовали неловкость и нерешительность.

— Я готов. — Дэн положил руки на подлокотники кресла, глубоко вздохнул. — От меня что-то нужно?

— Только твое желание ее увидеть. Можешь представить себе ее... — Гальяно запнулся, а потом сказал: — Достаточно только желания, остальное я попробую сделать сам.